КУДА ИСЧЕЗЛИ МАРГИНАЛЫ?

С. М. Логачева

Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе (МГРИ), Старооскольский филиал

Поступила в редакцию 10 декабря 2018 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы маргинализации личности в современном обществе, показывается взаимосвязь и взаимозависимость маргинального субъекта и жестко структурированной социальной системы. Поднимается вопрос о бессмысленности термина «маргинал» и исчезновении самого феномена маргинальности в «текучем» обществе, которое стало новым состоянием современности.*

Ключевые слова: *маргинал, социальная структура, «текучее» общество, социальная норма, социальная система.*

Abstract: *the article deals with the issues of the marginalization of the individual in modern society, shows the correlation and interdependence of the marginal subject and the rigidly structured social system. The question of the meaninglessness of the term outcast and the disappearance of the phenomenon of marginality in a «fluid» society, which has become a new condition of modernity, is raised.*

Key words: *marginal, social structure, «fluid» society, social norm, social system.*

В 2018 г. термин «маргинал» и его проблематика отметили относительный юбилей – 90 лет. Без малого сто лет социологи, философы, культурологи и психологи изучают феномен маргинальности. В 1928 г. американский социолог Роберт Эзра Парк впервые употребил термин в своем эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек» [1, с. 882], посвященном изучению процессов социализации в среде иммигрантов. Традиционно маргинальность трактуется как окраинное, пограничное или межстратное положение какого-либо объекта. Парк указывает, что маргинальный человек – это человек без определенной культуры, который вынужден, в силу совершенно различных причин, осваивать новые и порой враждебные культуры. И своеобразие такого человека заключается в том, что он либо не может или не желает разрывать связывающие нити с прежней культурой, либо наталкивается на непонимание – вплоть до отторжения. По мнению Парка, современный мир характеризуется нарастанием межкультурного взаимодействия, и маргиналы играют в нем огромную роль. В своих работах Парк говорит, что маргинальный человек – это тот, которого судьба вынудила жить в двух не просто различных, но антагонистических культурах.

С тех пор термин «маргинал» стал зонтичным – кто только его не использует: философы, социологи, политологи, культурологи, лингвисты,

экономисты, психологи и даже историки моды. Так, в одном глянцево-м журнале как-то написали, что стиль гранж в одежде – это маргиналь-ный шик. И если нарочитую небрежность, эпатажность и эксцентрич-ность считать пограничными по отношению к так называемой классике, то да, этот уже давно вошедший в поп-культуру стиль можно назвать маргинальным. Однако маргинальность возможна все-таки только тог-да, когда есть четкое понятие структуры и нормы, относительно которых происходит маргинализация, а в ситуации, когда все входит в рамки нормы, когда система исчезает как феномен и уступает место деструкту-ризации как постоянному и естественному процессу, разговор о марги-нальности становится абсурдом.

Итак, за девяносто лет термин пережил огромные семантические ме-таморфозы и спекуляции, вышел за пределы социологии в самые разные области гуманитарного знания, обозначил собой множество разноплано-вых явлений, стал жить своей жизнью. И вот вопрос: а маргиналы-то остались, они существуют сегодня в современной России, и если да, то кто они? Ведь тех, кого мы называли маргиналами несколько десятков лет назад, сегодня уже таковыми считать нельзя, так как одна из глав-ных особенностей этого феномена – его транзитивность.

Тенденция маргинальности регулярно реализуется в процессе функ-ционирования общества. Роль маргинальности и ее масштабность воз-растают в XX в. в силу повышения динамичности общественного разви-тия. Однако конкретный вид маргинальности ограничен временными рамками в истории и носит эпизодический характер.

Обратившись к эволюционной теории и проведя параллель между социальным и биологическим, можно выдвинуть предположение, что маргинальность – это мутация, вызванная окружающей средой. Меня-ется среда – изменяются мутации и патологии. Как в природе наблю-дается естественный отбор, в котором выживают наиболее сильнейшие, приспособленные к жизни в данных условиях особи, так и в социуме происходит своеобразный отбор, где «выживают», принимаются, адапти-руются наиболее гибкие, мобильные, обладающие высокоразвитой си-стемой адаптации. Социальный отбор, как и биологический, является закономерным процессом развития. В данном случае – развития обще-ства.

Мутации-маргинализации, которые дают преимущество, становятся нормой, неудачные приводят к гибели своего носителя. Любое отклоне-ние опасно для системы.

Однако стабильность и постоянство есть явления статичные, веду-щие к торможению развития и стагнации. Развитие всегда предполагает трансформации, некие преобразования, что и происходит при маргина-лизации некоторых элементов, субъектов социальной системы. Иными словами, в определенной мере маргинализация есть категория зако-номерная, перманентная, служащая конкретным целям общества, но

опять-таки в тех пределах, когда она не угрожает социуму частичным или даже полным разрушением.

Получается, что в обществе для его собственного сохранения в процессе эволюции, развития отрегулировано появление маргинальных мутаций, новаций, социальных преобразований. Однако появление «несанкционированных» новшеств зачастую носит революционный характер, потрясает всю социальную мозаику и перераспределяет ее. Возникновение подобных новшеств, т. е. маргинальных элементов, чаще всего происходит именно тогда, когда социальная система подвергается радикальному преобразованию, как со стороны (войны, глобализация, миграция), так и внутри (революции, культурные и социальные конфликты).

Как правило, маргиналы являются порождением системы, которая, отторгая некоторые свои элементы, делает их маргинальными. Однако может происходить и обратный процесс, когда личность (или некая общность) маргинализируется самостоятельно и добровольно. Они живут в чуждом им социальном мире, без традиций, без «своего места». Зачастую маргиналы изначально не ассимилируются с чужой культурой, не входят в ее рамки и не принимают ее норм, эталонов и требований [2, с. 99].

И проблема такова: какое положение считать маргинальным – абсолютно внесистемное, а значит, самостоятельное, или же то, которое соотносится с системой каким-либо образом? Для обособления какого-либо явления или понятия необходимо, чтобы было в наличии то, от чего обособляют. Поэтому говорить о полной независимости, оторванности и непричастности к системе со стороны маргинальной личности – значит ввести себя в заблуждение. Одной из отличительных черт системы, даже очень объемной и всеохватывающей, является ее ограниченность. Система без границ – это хаос. Система нуждается в границах как в необходимом, определяющем факторе. И если речь идет о социальной или культурной системе, то все же существуют границы, которые ее обособляют от других аналогичных систем, и эти границы подтверждают наличие маргинальных положений, слоев. Система всегда стремится себя обособить, стать единым организмом, в котором согласованно взаимодействуют все части и области. И при этом системе необходимо четко осознавать свои границы, и, только благодаря достигнутой условленной замкнутости, система может чувствовать себя защищенной. Неудивительно, что, когда система не удовлетворяет человека или когда он не в состоянии принять ее нормы и ценности, он стремится выйти из нее.

Свободна ли от системы личность, занявшая маргинальное положение по отношению к системе? Нет. Уже хотя бы потому, что своим маргинальным статусом подчеркивает границы системы и, тем самым, относится к ней. Маргинал – это тоже часть системы, и поэтому, естественно, напрашивается вывод о том, что без системы не может существовать ни-

какого маргинального положения. Можно вести речь об особом положении маргинала по отношению к системе, а не о его внесистемности.

Если мы будем рассматривать явление маргинальности вне системы, по отношению к которой оно таковым является, то мы, таким образом, обособим его. И данное обособление заставит нас смотреть на то, что раньше носило статус пограничности, как на самостоятельную структуру, в которой есть все признаки системы, а именно: обособленность, наличие норм, правил, условий и ценностей. В таком случае в маргинальном положении можно рассматривать ту структуру, которая занимает центральное положение.

Таким образом, можно сделать вывод, что маргиналы могут существовать только при наличии социальной системы. Являясь продуктом и, в определенном смысле, частью системы, маргиналы обладают внутренними связями с ее центром, определяя при этом одновременно и ее границы.

Понятие «маргинальность», будучи перманентным явлением, в разное время может иметь и разное наполнение, т. е. обладает эпизодичным, временным, транзитивным характером. Это обусловлено тем, что в ходе развития как системы, так и самих маргинальных субъектов (индивидуумов или общности) они могут менять свое качество: последние могут полностью обособиться и обрести вполне самостоятельный статус отдельной системы (например, творчество модернистов, первых представителей авторского кино в кинематографе и т. д.), т. е. реализовать себя конструктивно; в ином случае маргинальный субъект в ходе эволюции может быть втянут, поглощен той или иной системой более высокого уровня и оказаться в ней растворенным.

Таким образом, маргинальность – это лишь временное состояние субъекта, и это качество теряется с приобретением системных характеристик, самостоятельных или приобретенных.

Так, с приходом советского режима в России 1920-х гг. в маргинальное поле по политическому признаку автоматически вытеснялись те, кого суммированно называли «буржуазией»: сюда входили и бывшие дворяне, духовенство, интеллигенция, бывшие чиновники и, соответственно, буржуа. Чуть позже, уже в 1930-х гг., по тому же политическому принципу, маргинализировались, оказавшись вне узаконенной социальной структуры, бывшие белые офицеры, нэпманы, бывшие полицейские и т. д.

В послевоенную эпоху и, пожалуй, до конца советского режима маргинальные слои советского общества включали священнослужителей, «кулаков», «бывших», спецпереселенцев и заключенных.

С окончанием советской эпохи политический фактор перестал играть решающую роль в определении социального статуса. Теперь маргинализация происходит, по большей мере, в результате экономического неравенства. Сегодня вряд ли можно назвать, к примеру, духовенство

маргинальным слоем. Зато в современном российском обществе маргинализации подвержен пролетариат или рабочий класс, как экономически несостоятельный и малопrestiжный.

Таким образом, повторимся, что маргинальность – это временное состояние субъекта социальной системы и зависит от того, что в настоящий момент является структурной нормой в данной системе и каковы ее доминирующие ценности.

В то же время маргинальные феномены позволяют переосмыслить вариативные возможности данной культуры, определить степень ее эластичности и подвижности, устранить отжившие, нефункциональные традиционные элементы. Это процесс необходимого исторического обновления, и он не может рассматриваться исключительно как негативный. Другое дело, если общество принимает явно негативный маргинальный элемент как основу своей будущей культуры. В таком случае здесь на лицо тревожные симптомы «нездоровья» данного общества, его социально-экономическая, политическая и правовая неорганизованность. И причины такой маргинальной «болезни» следует искать во всех структурах общества.

Впрочем, здесь, в культурном поле, мы сталкиваемся со следующими закономерностями. Чем большей жесткостью обладает система, тем сильнее в ней отторгаются новшества и тем заметнее в ней появление маргинального фактора как реакции на запрет альтернативного развития. Культура первобытных обществ, неизменная в течение столетий, закрыта для новаций, так как они способны ее полностью разрушить, как, впрочем, и любую закрытую культуру, построенную на строгом соблюдении и неизменности ритуалов и традиций. Поэтому маргинальное в такой культуре будет столь же ярко выделяться, как черная клякса на белом листе бумаги. В культурах открытых, подвижных, динамично развивающихся маргинальность может родиться как одна из альтернатив, способных занять одно из доминирующих мест. Более того, быстротечный характер изменений стимулирует появление маргинальных новаций.

Но когда все меняется слишком быстро, когда новации даже не успевают ассимилироваться в культуру, а социальная структура претерпевает бесконечные изменения, то может стать, что общество в его целостности так и не оформится в окончательную систему, в рамках которой и будет происходить маргинализация личности. Такое общество Зигмунт Бауман назвал «текущим» [3, с. 17]. Текущая современность – это переход от структурированного, плотного состояния мира к не обремененному социальными и иными условиями и обязательствами, более пластичному, гибкому, мобильному, другими словами, текучему, свободному от различных границ. А раз нет границ, норм, рамок, то нет и маргинала. Современный мир, по Бауману, постоянно меняется, а потому он плохо понимаем и плохо управляем.

Текучесть современного мира отражает колоссальную свободу человека в этом мире. Всё стало открытым, проницаемым, динамичным. Следовательно, сама текучесть и проницаемость мира воплощают в себе главную ценность современности – свободу. Согласно концепции «текучего» общества, наше время – это эпоха слабых связей между субъектами. Причем эта слабость распространяется и в пространстве (связи становятся поверхностными, неглубокими), и во времени (они очень кратковременные, не стойкие). «Теперь мы переходим из эры заранее заданных референтных групп в эпоху универсального сравнения, в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежно неопределенна, не задана заранее и может подвергнуться многочисленным и глубоким изменениям прежде, чем эти усилия достигнут своего подлинного завершения: то есть завершения жизни человека» [там же, с. 13]. Маргинальность при таком положении вещей может начать претендовать на перманентное состояние личности, что, собственно, противоречит ее временной сущности. В «текучем» обществе, таким образом, маргинальность в принципе исчезает как феномен. «Легкая современность выпускает из клетки одного из партнеров. Твердая современность была эрой взаимных обязательств. Жидкая современность – это эпоха разъединения, неуловимости, легкого бегства и безнадежного преследования. В жидкой современности правят те, кто наиболее неуловим и свободен передвигаться без предупреждения» [там же, с. 131]. Современный маргинал неуловим, он стал не результатом, а процессом. Его временность и транзитивность так быстротечны, что их невозможно зафиксировать. Темпоральный фетишизм Хайдеггера сменился на темпоральную аномию, когда какая-либо норма, граница, структура просто не успевают состояться во времени и, соответственно, утвердиться в пространстве. И все-таки поиски современного маргинала оказались не такими уж напрасными и бессмысленными. Просто не там искали. В современном мире существует уже не один, а два уровня социального бытия – реальный и виртуальный, сетевой, информационный. И второй все активнее реализуется, структурируется и развивается. Современного маргинала надо искать ни на одном из этих уровней, а между ними, на стыке, на границах миров. Возможно, это тот, у кого нет сотового телефона, нет странички в социальных сетях или аккаунта на популярных порталах. Нет аккаунта – нет человека, он выпадает из социального пространства, оказывается вне структурных связей и взаимодействий. «И стало быть, в эпоху непрерывных и масштабных перемещений, когда каждый утратил родную деревню и чувство корней, а другой – это тот, с кем общаешься удаленно, по интернету, будет только естественно, если люди примутся искать признания иными путями и место деревенской площади займет практически всемирная аудитория» [4, с. 49] нового сообщества глобальной сети.

Литература

1. *Parc R. E.* Human migration and the marginal man / R. E. Parc // *American journal of Sociology*. – Chicago, 1928. – Vol. 33, № 6. – P. 881–893.
2. *Стоунквист Э.* Маргинальный человек. Исследования личности и культурного конфликта / Э. Стоунквист // *Современная зарубежная этнопсихология*. – М., 1979. – С. 99–100.
3. *Бауман З.* Текущая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
4. *Эко У.* Заклятие сатаны. Хроники текучего общества / У. Эко. – М. : АСТ : CORPUS, 2019. – 704 с.

Российский государственный геолого-разведочный университет имени Серго Орджоникидзе (МГРИ), Старооскольский филиал

Логачева С. М., кандидат философских наук, доцент кафедры горного дела, экономики и природопользования

E-mail: subrik@rambler.ru

Russian State Geological Prospecting University (MGRI-RSGPU), Starooskolsky Branch

Logacheva S. M., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Mining, Economics and Environmental Management Department

E-mail:subrik@rambler.ru

С. М. Логачева. Куда исчезли маргиналы?